

— Сокровище, ты уверен? — Цинь Цун обхватил спину Е Ваньсина. Его вес, составлявший более ста цзиней, казалось, ничего не весил, когда Е Ваньсин с лёгкостью перенёс его из машины в инвалидное кресло.

— Угу, раз уж я тебя привёз, как думаешь? — Хотя решение было принято немного поспешно, но раз уж он уже здесь, менять что-либо было поздно.

— Пойдём. А вы возвращайтесь, Лун У будет достаточно, — сказал Е Ваньсин телохранителям Цинь Цуна, сам толкая кресло.

Все они посмотрели на Цинь Цуна и, увидев его лёгкий кивок, вернулись в машину и уехали.

Привести на съёмочную площадку такого внушительного мужчину — такое невозможно было проигнорировать. Вэнь Ли, считавший, что может позволить себе поговорить с Е Ваньсином, не удержался и подошёл.

— Сяо Е, это ты... привёл родственника на экскурсию?

Этот мужчина выглядел немного старше, может, это родственник Е Ваньсина? Неудивительно, что Вэнь Ли так подумал. Обычно никто не осмеливался приводить на съёмки своих возлюбленных. К тому же, Е Ваньсин был молод, а Цинь Цун выглядел старше, так что они действительно казались представителями разных поколений. Ошибиться было легко.

— Да, — решительно кивнул Е Ваньсин, не отрицая. Родственник, партнёр — тоже ведь родственник. Всё правильно.

Веки Цинь Цуна слегка дрогнули, его пальцы, лежавшие на подлокотнике, сжались. Ему понравилось слово «родственник».

Режиссёр, ломавший голову над тем, сколько денег уйдёт на пересъёмки из-за задержки, заметил, как Е Ваньсин кого-то привёз. Ему было не до того, чтобы разбираться, кто это, и он тут же закричал:

— Что ты там плетёшься? Быстро в гримёрку! Смотри, я тебе ноги переломаю!

— Иду! — громко ответил Е Ваньсин и, наклонившись, незаметно поцеловал Цинь Цуна в щеку.

— Я на съёмки. Если что-то понадобится, попроси Лун У.

Цинь Цун кивнул и велел Лун У достать его планшет. Е Ваньсин, увидев это, не стал возражать. Хотя он и привёз его, но многие ждали решений Цинь Цуна, и нельзя было запрещать ему работать.

Лун У услужливо и незаметно нашёл для Цинь Цуна хорошее место, откуда было удобно наблюдать за Е Ваньсином и где его не беспокоили бы окружающие. Цинь Цун открыл планшет и начал просматривать почту.

Заботливый генеральный секретарь, сделав своё дело, удалился. Он всё подготовил для босса, даже всю работу отправил на планшет, чтобы его ослабленный босс мог в свободное время всё просмотреть и решить многие вопросы.

Просмотрев два документа, Цинь Цун потерял интерес и переключился на наблюдение за Е Ваньсином, который готовился к съёмкам.

Большинство оборудования в павильоне Цинь Цун не знал. Вокруг Е Ваньсина стояли несколько мужчин и женщин, все в гриме. Нетрудно было догадаться, что это остальные главные актёры фильма.

Взгляд Цинь Цуна скользил по их лицам, внимательно изучая их выражения. Зависть, восхищение, неприязнь и раздражение.

Е Ваньсин был в гриме и серебристом парике. Его лицо было раскрашено так, что он походил на повреждённого робота. Время от времени раздавался громкий голос режиссёра, и они все входили в образ.

Цинь Цун всегда считал, что его маленький возлюбленный ещё ребёнок. Хотя у него был спокойный характер, он всё же был молод, и поэтому Цинь Цун иногда чувствовал беспокойство.

Но в тот момент, когда Е Ваньсин поднял голову, он даже засомневался, тот ли это юноша, которого он знал.

Его неколебимая уверенность внезапно рассыпалась в прах.

Каждое движение того, кто был перед ним, было пропитано его ролью. В отличие от холодной сдержанности самого Е Ваньсина, высокомерие Роберта было врождённым. Он с самого начала был таким недостижимым.

Потому что он не был человеком. И когда человек видел его, в его сердце зарождалось странное, жуткое чувство. Он знал, что перед ним не человек, но в то же время чувствовал что-то знакомое.

На лице Е Ваньсина была едва заметная улыбка, а в его глазах читалось чувство, которое он и сам не мог определить. Может, это то, что люди называют сожалением? Он смотрел на тех, кто его поддерживал, и на тех, кто его предал, и чувствовал удовлетворение.

Он уже многому научился у людей. Некоторые вещи он, возможно, никогда не поймёт, но он всё больше хотел стать настоящим человеком.

Цинь Цун, глядя на Е Ваньсина, от которого исходила аура прощания, почувствовал, как это настроение передаётся всем присутствующим. Е Ваньсин ещё даже не сказал ни слова, а кто-то уже плакал, всхлипывая.

Так вот что значит быть актёром? Это душевное потрясение внезапно успокоило Цинь Цуна. С таким зрелым мастерством его маленький возлюбленный, должно быть, уже довольно зрелый человек. Возможно, все его беспокойства были напрасны.

— Господин Цинь, господин Е велел вам принять лекарство.

Лун У, нарушив атмосферу, посмотрел на часы и, почти секунда в секунду, подал Цинь Цуну воду и лекарства. Его вид был очень решительным, словно говоря: «Если не выпьете, я доложу».

— Ах вы, маленькие паршивцы, — тихо выругался Цинь Цун и, взяв лекарство, запил его водой. Его взгляд по-прежнему был прикован к ослепительному Е Ваньсину.

Услышав ругательство, Лун У немного растерялся, но тут же понял: господин Цинь, кажется,

чувствует себя гораздо лучше! У него даже появились силы ругаться!

Е Ваньсин, краем глаза заметив это, на мгновение обрадовался, но тут же получил от режиссёра нагоняй.

— Ты что, за два дня выходных мозги дома забыл? Сейчас нужно играть печаль расставания! Сожаление! А не радоваться. Чему ты радуешься, чёрт возьми?!

Выругавшись, режиссёр, не дав Е Ваньсину и вздохнуть, велел им переснять сцену.

Смущённо показав режиссёру жест, что он больше не будет отвлекаться, Е Ваньсин собрался и перестал смотреть на Цинь Цуна. Раз уж он послушно пьёт лекарства, то, наверное, пока всё в порядке.

Е Ваньсин был очень профессионален. Он быстро настроился и, благодаря глубокому пониманию роли Роберта, легко вошёл в образ. Все присутствующие словно увидели, как тот робот, которого они уже и не надеялись увидеть, идёт по усыпанной розами земле в лучах утреннего солнца. В его глазах по-прежнему не было жизни, но его голос был мягким и нежным. Он улыбнулся им и произнёс те слова, которые они так не хотели слышать.

— Прощайте.

— Хорошо, снято! — хлопнув себя по бедру, режиссёр, казалось, не чувствовал боли. Его громкий голос тут же раздался снова.

— Сяо Е, держи этот настрой, постараемся за эти два дня закончить съёмки!

— Хорошо, режиссёр!

Послушно ответив, Е Ваньсин увидел, как режиссёр склонился над сценарием, и, воспользовавшись моментом, повернулся к Цинь Цуну, подмигнул и произнёс по губам.

Цинь Цун рассмеялся. Он понял, что тот сказал.

[Я ведь отлично сыграл?]

Подумав, Цинь Цун сложил два пальца в сердечко. Он смутно помнил, что генеральный секретарь когда-то объяснял ему значение этого жеста. В такой ситуации он, кажется, будет уместен.

Е Ваньсин не ожидал получить в ответ сердечко, и уж тем более не ожидал увидеть такую игривую и милую сторону этого мужчины. Он с удовлетворением принял это сердечко, спрятал его в груди и снова погрузился в напряжённые съёмки.

Съёмки подходили к концу. Все работали на износ, желая поскорее закончить и отдохнуть несколько дней.

Режиссёр был рад видеть их усердие. Он и его помощник договорились о банкете по случаю окончания съёмок и, подсчитав расходы, с ещё большим рвением принялись их эксплуатировать. И вот, под всеобщие стоны, съёмки фильма «Там, где цветут розы» были завершены!

По приказу режиссёра все закричали, выплёскивая накопившееся за это время напряжение. На съёмочной площадке воцарился хаос.

Цинь Цун, проведя несколько дней на съёмочной площадке, привык ко многому. Все думали, что он родственник Е Ваньсина, который приехал проведать своего младшего. И неудивительно, ведь с тех пор, как он появился, им каждый день приносили отличные обеды, фрукты и три раза в день напитки. Хотя это и мелочи, но их было много, и многие в съёмочной группе хорошо относились к этому «родственнику». Когда Е Ваньсин снимался, они были очень дружелюбны к Цинь Цуну и иногда делились с ним забавными историями о Е Ваньсине.

За эти дни Цинь Цун тоже постепенно пришёл в себя. Хотя генеральный секретарь был в ярости и каждый день повторял, что не уволится, только если ему повысят премию как минимум на квартал, он всё же, работая в напряжённом режиме, снял с Цинь Цуна большую часть нагрузки.

А то, что Е Ваньсин каждый день брал его с собой на съёмки, тоже развеяло мрак в его душе.

Цинь Цун, привыкнув к съёмочной площадке, уже знал, что такое окончание съёмки. Он обнял потного Е Ваньсина и с сочувствием прошептал:

— Ты устал. Поздравляю.

Наклонившись и обняв Цинь Цуна, Е Ваньсин устало, но с облегчением улыбнулся. Это был его первый фильм, который он снял от начала до конца. Это было прекрасное чувство. Хотя он и устал, но делал это с радостью.

Он посмотрел на мужчину, который обнимал его и выглядел гораздо лучше. За это время Цинь Цун заметно похудел, его крепкие мышцы из-за лекарств и плохого самочувствия стали не такими твёрдыми.

Но в глазах Е Ваньсина Цинь Цун по-прежнему был самым красивым. Каждая его черта была ему по душе.

Он вытер пот. Волнение от окончания съёмки и растущая жажда обладания Цинь Цуном заставили его «скромно» сказать:

— Если бы мы были не здесь, я бы тебя поцеловал.

Цинь Цун замер, а затем, подняв голову и посмотрев в полные страсти глаза Е Ваньсина, тихо рассмеялся.

— Не торопись, у нас ещё много времени.

<http://bllate.org/book/14939/1324071>